

ПАМЯТИ ЮРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ПЕТРОВА**Диалог, которого не было**

«Падение вверх» – эта фраза точная модель жизненной судьбы профессора Петрова.

«...Вспоминаю случай, когда мама спасла меня, тонущего в реке. Был теплый весенний вечер, и мы были вдвоем на берегу речки Кайлушки. Мама топила баню, носила ведрами воду, а я стоял на берегу и любовался быстро текущей водой и зеленой травкой, колышущейся под прозрачной толщей воды, – было половодье, и река сильно разлилась, затопив окрестные леса и прогалины.

Берег был отлогий, рядом стояла лодка, и я сел в нее. Как только я это сделал, она отошла от берега и медленно поплыла на середину реки, где было быстрое течение. Ужас охватил меня, я не мог сделать ни одного движения, однако через какое-то мгновение с криком бросился в воду в надежде достичь берега. На крик выбежала мама и успела меня, уже захлебывающегося, вытащить из воды. Говорят, кому быть повешенным, тот не утонет» [1. С. 691].

В общении с Юрием Владимировичем никогда не чувствовалась предрешенность его жизненного пути, какой-то пессимизм, но его книги, его откровение перед бумагой обнаруживают колоссальное предчувствие судьбы. В 2000 году (19 ноября), начиная свою главную книгу «Баллада повешенного. Оправдание метафизики, или Возвращение философии», он пишет, что она не будет закончена: «Выносимый на суд читателя труд останется незавершенным» [1. С. 21]. И далее: «Приходит время четвертого периода жизни, который в своем завершении оказывается по ту сторону слов...» [1. С. 24].

«Баллада повешенного» – серьезная, многостраничная книга – стала профессиональным завещанием философа, и не только потому, что он систематизировал многие факты современной философии и культурологии, но и по-



тому, что, предпослав к основному тексту пролог и введение и завершив труд эпилогом (опыт самопознания), он «исповедался», рассказав о себе, о своем пути к философии и в философии, о своей гражданской позиции относительно всего, что происходит в стране и со страной. Что-либо сказать больше и точнее самого Ю. В. Петрова трудно, поэтому, давая его жизнеописание, представляется уместным цитировать его же книгу.

На переднем форзаце этой книги изображена картина Ганса Гольбейна младшего «Мертвый Христос». Родные говорят, что болезнь довела Юрия Владимировича до такого же телесного состояния. В последние дни его земной жизни он задыхался, как будто что-то душило его, ему не хватало воздуха.

Такие приступы удушья он испытывал не раз, когда возмущала несправедливость, когда настигало горе потерь, когда обстоятельства тормозили исполнение задуманного, когда... тогда он был молод, силен, настойчив в движении к цели. В его биографии отразилась судьба предвоенного поколения. Его жизнь вплетена в биографию страны, где он родился, где происходило становление его личности, где складывалась его карьера, формировалось мировоззрение ученого, где он с честью выдержал испытание на «самостоянье человека» (А. С. Пушкин), которое характеризует величие всякой личности.

Его жизнь – череда разочарований, падений, возрождений и побед.

Первое потрясение он пережил, когда вернулся с войны отец. Ему было всего два с небольшим года, когда его отец Владимир Илларионович одним из первых на селе ушел на фронт. Только однажды за всю войну, уже под конец ее, по дороге на Дальний Восток он смог вырваться на очень короткую побывку домой. Сына никак не могли найти: где-то бегал по своим мальчишеским делам. Наконец учительница отыскала шустрого мальчишку, ведет его домой, понимает, что нужно подготовить к такой волнительной встрече и спрашивает: «А вот что ты больше всего хочешь сейчас?» Мальчишка поднял на нее свои яркие, такие же как у отца, глаза и с такой надеждой, с такой верой, что вот сейчас он точно получит не просто горькую лепешку из лебеды или крапивы, которые, чтобы приглушить голод, всё равно приходилось есть. Сейчас у него будет то, чего действительно хочется, и прошептал: «Пряник»... Тот же вопрос и тот же ответ были повторены и в доме, где встретить гостя собралась вся деревня. Над ответом все смеялись – смеялись, конечно, по-доброму от счастья и радости встречи. Один Юра плакал: слезы душили от обиды, от голода, оттого, что не мог понять, почему смеются, если тебе вкус пряника ещё с прошлого года запомнился и даже снился во сне. Пряника не было, их выдавали только по большим праздникам всем в школе. Но зато в доме был отец. С отцом он и встретился.

Таких историй из его детства сохранилось много. Но главная – это история о любви к рисованию. Любовь, сохранившаяся на всю жизнь. Она стала страстью, когда, не имея карандаша и бумаги, Юра, оставаясь дома один, угольком разрисовывал стены, пол, подоконники.

Он рос в семье сельских интеллигентов – учителей, в доме было много книг, патефон, пластинки. Вместе со старшими сестрами он еще до школы выучил программу младших классов, наслушался бабушкиных сказок, а слушателем он был строгим, если бабушка Антонина Ивановна что-то изменяла

в фавуле, он сердился и поправлял ее. Как и во всех домах, у Петровых было холодно, голодно, тревожно. Была война... А когда она кончилась, вернулся к семье и своим учительским делам отец. Не все вернувшиеся были такие большие и сильные, здоровые и всезнающие. Но...

«Возвратился с фронта отец (он воевал в Заполярье, в Кандалакше, и на Дальнем Востоке), и для меня навсегда исчез мир поселка Пашенского, или деревни Кайлушки. Отец получил назначение на работу в детский дом, который находился далеко от этих мест. Я сознательно пропускаю много биографических фактов, поскольку пишу не хронику, но восприятие истории, современником которой я был. И следует сказать, что та историческая действительность, которую я вспоминаю, воспринималась как моя, частью которой я являлся» [1. С. 694].

В это послевоенное время страна с огромным напряжением сил пыталась в самые короткие сроки восстановить разрушенное хозяйство. Отец и мать работали с учениками и воспитанниками денно и нощно. Их собственные дети были предоставлены самим себе: и не было речушки или озера, где бы не купался подрастающий Юра Петров, не было горки или оврага, где бы ни пробегали его резвые ноги, не было природных картинок, которые не усмотрел бы чуткий глаз будущего художника. Теперь всё это переносилось на бумагу: катание с горок, игра в городки, портреты сестёр и друзей. Но особенно волновали лошади, рыцари, викинги и, конечно, русские богатыри. Рисование захватывало и помогало пережить чувство детской обиды, когда видел, что детдомовские жили иначе. «Дети были привязаны к воспитателям, видя в них своих матерей и отцов; вечно вокруг отца была куча детей, к нему невозможно было подойти, и со временем это стало нормой», – так напишет потом в своей книге профессор Ю. В. Петров.

Но тогда он страдал от одиночества и любви к родителям, которые в силу занятости работой не могли показать всю силу своей ответной любви к сыну. Некоторое отчуждение между ним и его отцом так и осталось навсегда. Рос он в окружении женщин: мама, бабушка, сестры... Вроде бы любимый – но все были заняты, и на душевные проявления этого чувства не было времени, да и не очень-то это было принято тогда; обихоженный – но он, от природы аккуратный и чистоплотный, и не доставлял особых хлопот, а со временем и сам научился за собой следить... Не прочувствовав отцовской любви (Юрий Владимирович никогда не упрекал в этом отца, хотя всегда нуждался в особом с ним общении), он перенес на своего сына такую привязанность и заботу, каких недополучил сам. Для своего сына он стал надежным тылом, любящим и заботливым товарищем, все всегда понимающим и разделяющим его взгляды.

Первым сильным потрясением стала смерть Сталина, кумира, идеала, «солнца жизни» [читатель, не предполагайте здесь иронии]. В годы войны дети Петровых часто оставались одни в доме (отец воевал, мама все время пропадала в школе). «Видел я ее очень редко: просыпался утром в пустой избе, засыпал вечером, когда она еще работала» [1. С. 690]. Единственный мужчина в доме – Сталин, его портрет в красном углу. Маленький художник все пытался его перерисовать, но никак не получалось, злился и шел биться за него с «фашистскими гадами» – зловещими тенями, которые отбрасывала

на стены чадающая копилка. Творческая фантазия одаренного мальчишки легко находила что-то общее между этой игрой света и тьмы и карикатурами, авторами которых были Кукрыниксы.

«Чувство социальной защищенности и осознание заботы государства о своих детях ассоциировалось с отеческой любовью Сталина. Это имя было священным, и какой бы ни был воспитанник [детдомовец – подопечный отца] – даже самый последний в учебе и поведении, безнадёжный в отношении научения и нравственного развития – относился к Сталину с величайшим уважением и безграничной любовью, граничащей с жертвенностью. Когда на экране во время просмотра фильма о войне появлялся Сталин, деревенский клуб взрывался аплодисментами – аплодировали воспитанники детского дома и их воспитатели. Для нас, мальчишек военного времени, живших в глухой сибирской тайге, был праздник, когда два раза в году вывешивались портреты Сталина и его соратников: Молотова, Ворошилова, Маленкова и других членов Политбюро. Мы любовались изображением Вождя, написанным маслом, комментировали каждую деталь его формы; в другое время года ничего, кроме черных сибирских изб, засыпанных по самую крышу снегом, не существовало, что могло бы радовать глаз» [1. С. 697–698].

Тяжело пережив смерть своего кумира, потом, став историком, и хорошим историком, Юрий Владимирович никак не мог смириться с официальной версией кончины Сталина: он изучал документы тех лет, находил несоответствия, доказательства фальсификации тех событий. «Со смертью Сталина закончилась историческая эпоха – эпоха вождей-диктаторов, для которых воля к власти станет самоцелью их жизни и деятельности», – пишет он в своей книге [1. С. 700]. «В современной истории – древность мы не знаем – не было человека, кто сумел, как Сталин, достичь неограниченной власти, кто вершил так же, как он, судьбами людей не только в своем государстве, но и во всем мире, кто бы обладал таким авторитетом в мировом сообществе, когда к нему обращались с просьбами как простые люди, так и главы государств, кто наложил отпечаток своей личности на ход мировой истории, начиная от характера Великой Отечественной и Второй мировой войны и кончая послевоенным переустройством мира» [1. С. 701].

«Вождь-диктатор» В. И. Ленин и «советский монарх» И. В. Сталин остались для Ю. В. Петрова знаковыми фигурами, и для его личности, и для его судьбы.

Эмоционально воспринимая мир и чувствуя, что он может полноту и красочную насыщенность этого восприятия запечатлеть на холсте, юноша Ю. Петров решил держать экзамен в художественное училище в Свердловске. Творческий конкурс он прошел, срезался на вступительных испытаниях. Здесь сошлось много неблагоприятных факторов: сибирский правильный юноша, честный, прямолинейный, в чем-то наивный, – с одной стороны, с другой – предвоенное поколение было довольно многодетным, школу закончило в тот год много ребят, а прием был ограничен... Рухнула «мечта жизни». Он вернулся в Асино, работал два года учителем физкультуры и рисования в своей школе, а потом поступил в Томский государственный университет на историко-филологический факультет. Стал историком. «Вспоминая студенческие годы на историко-филологическом факультете, – пишет он, –

курсы исторических дисциплин, читаемые студентам-историкам и относящиеся к различным регионам и эпохам, личностям и событиям, чем-то походили друг на друга: все они строились со значительной долей социологического подхода, когда на место реальных личностей и событий подставлялись объективные законы истории. Во мне это вызывало чувство разочарования, поскольку историю я не мыслил без сражения у стен Доростола, без битвы при Тразименском озере, без сражения у мыса Трафальгар. ...История – не знание того, какие события следовали одно за другим. Она – проникновение в душевный мир других людей, взгляд на ситуацию, в которой они находились, их глазами» [1. С. 704]. Преподаватели, ведущие семинарские занятия, долго и в послестуденческое время вспоминали, как красочно и живо студент Петров рассказывал о сражениях и битвах, подробно описывая, в какие доспехи были одеты воины, какое оружие держали в руках, как выстраивали свои ряды.

Событийной истории ему, склонному к научной рефлексии, было мало, мысль, раскрепощенная университетским образованием, требовала «пищи». Ею стала философия, как глоток воды, как струя волшебного эфира, ворвавшаяся в традиционные образовательные рамки: «На третьем курсе мы стали слушать философию – диалектический и исторический материализм. Знакомство с этим предметом произвело переворот в сознании многих студентов. Диалектика мышления, переход категорий друг в друга, идея развития, методы и формы научного познания – все это поражало наше неискушенное сознание новизной, необычностью творческого воображения метафизического разума, выглядело парадоксально. С этого времени многие из нас связали свою дальнейшую судьбу со служением философии» [1. С. 704].

Философия, взятая и понятая в её эстетической основе, предопределила судьбу Ю. В. Петрова. Он стал доктором философских наук, защитил две диссертации, прошел хорошую школу общественной работы, дослужился до директора Института искусств и культуры. Здесь Ю. В. Петров и осуществил свою юношескую мечту: сделать художественное, музыкальное, дизайнерское образование доступным каждому талантливому человеку – всем, у кого есть на то дар божий и сильное желание. Он открыл в институте художественное отделение, где талантливая молодежь могла учиться творческим профессиям, не уезжая далеко от родных мест.

Творческая жилка, любовь к искусству и желание быть художником у Юрия Владимировича не случайны: были в роду Петровых, а по материнской линии – Воротниковых, свои таланты. В семье живет красивая легенда о «Царице ваз», что стоит сейчас в Эрмитаже, среди создавших ее камнерезов числится Тит Трофимович Воротников – прапрадед по матери Юрия Владимировича. Дотошный историк нашел-таки подтверждение этому факту. Однажды, попав в Ленинград, он пошел в Эрмитаж, долго блуждал по его залам и вдруг увидел великолепие, созданное колыванскими мастерами из ревневских яшм, выставленное в залах Зимнего дворца. Незадолго до этой встречи с «героиней» семейных преданий к Ю. В. Петрову случайно попала книжка об алтайских камнерезах, в ней он нашел подтверждение рассказам бабушки о чуде-вазе и имена своих предков, создавших это уникальное произведение искусства. Над «Царицей ваз» 22 года работали ежесуточно двадцать четыре камнереза. Большими трудами доставили в Петербург в 1843 г., но ваза оказалась такой

большой, что не проходила в двери Зимнего дворца: проезд, в который втащили чашу, со временем превратили в одну из комнат Нового Эрмитажа. «Эта ваза действительно была царица, – подтверждает Юрий Владимирович, – ее высота достигала трех метров, чаша овальной формы в большом диаметре равна семи метрам. Подобного рукотворного чуда нет в истории прикладного искусства, и создали это чудо простые русские мастера» [1. С. 686].

Если уж продолжать жизнеописание рода Петровых, то нужно отметить, что и с отцовской стороны были свои местные исторические личности. «По линии отца все были коренными сибиряками – жителями Томской губернии. Интересна история рода, которую поведал мне как-то отец, когда я был уже взрослым. Некто Шамский, крестьянин Херсонский губернии, как и все крестьяне Европейской России, доведенные нищетой и бесправным положением, участвовал в революции 1905 года. Он с общинниками разорил и сжег помещичью усадьбу. Был пойман властями, порот и по приговору суда отправлен на вечное поселение в Сибирь. Его странствие по этапу закончилось в деревне Баюрово, Пышкино-Троицкой волости. ...У Шамского осталась дома невеста, он тайно от властей при укрывательстве общины *сходил* за ней, вернулся, и они счастливо зажили на новом месте. Кто он был отцу и моей бабушке, я не помню – может быть, это был отец бабушки, может, ее дед, теперь не узнать. Бабушку, Елизавету Сазоновну, выдали замуж за местного крестьянина Иллариона Петрова, о происхождении которого никто ничего не знал – русские крестьяне генеалогического дерева не рисовали. В семье было восемь детей: пять сыновей и три дочери. Отец закончил семь классов, что по тем временам считалось очень прилично, поступил на заочное отделение педучилища в Томске и был направлен директором семилетней школы в поселок Пашенский (деревня Кайлушка). Там они встретились с мамой» [1. С. 687].

Две человеческие судьбы, две линии жизни, которые пересеклись в одной точке благодаря эпохальным событиям – революции и Гражданской войне. Не было русской семьи, которую бы не затронула Гражданская война. Бабушка Антонина Ивановна всю жизнь вспоминала брата Николая, курсанта кадетского корпуса, зарубленного шашками красным кавалерийским эскадроном, ворвавшимся с боями в Тюмень. Бабушка Елизавета Сазоновна оплакивала своего брата, расстрелянного колчаковцами вместе с другими красными партизанами.

Так действительная жизнь русских людей того времени врывается в книги по истории, передавая рвущую душу правду о настоящем житье-бытье реальных личностей. Семья Петровых – одна из тысяч, которых затронули исторические события тех лет, переживших войны, лишения, тяжелый труд, потери, рождения детей, их становление и успехи...

«Несколько слов хотелось бы сказать о моей маме и о русских женщинах. Когда началась Великая Отечественная война, ей исполнилось двадцать пять лет. На руках осталось трое детей... довольно большое хозяйство, состоящее из коровы, овец, свиней, кур, огорода и увлечения отца – пасеки, которую она берегла все годы. Чтобы содержать все это, надо было летом косить траву, заготавливать сено... на зиму заготавливать дрова... весной лопатой вскопать

огород, посадить картофель и овощи, а осенью – убрать урожай. К концу войны эти картины тяжелой деревенской жизни я видел и понимал. Особенно запомнились сцены, когда в зимнюю лютую стужу мама запрягала корову и на весь день отправлялась далеко в лес или на поля за сеном или дровами (почему-то сено обязательно заканчивалось в морозные дни) и к вечеру возвращалась вся белая от инея.

Но это не главное, домашним хозяйством все занимались в свободное от работы время, главное – школа и работа учителя в две смены. Мама приняла пашенскую семилетнюю школу от отца, когда он ушел на фронт. Вечерами, после уроков, когда дома все было сделано: подоена корова, накормлены и напоены овцы, истоплена печь и приготовлен ужин, она садилась за стол, проверяла ученические тетради, готовилась к урокам» [1. С. 690]. На селе все ее любили и почитали, останавливались, завидев, снимали шапки, кланялись с глубоким уважением и от сердца.

Как-то в сельпо завезли духи «Красная Москва» – «объект неземных цивилизаций», вся деревня ходила, как на выставку, любоваться этой яркой, красной с золотом коробочкой с чудным запахом родины и мира. Подросток тоже восхищался этими духами и около двух лет тайком откладывал и без того скудные денежки, которые давали ему на неделю в школу родители. Семья жила тогда в Ново-Кускове, а он учился в старших классах в Асине и жил, как он говорил, «в людях». Он купил маме эту заветную коробочку, поразив всех, порадовав маму и «лишив» деревню такого приятного зрелища.

Маму Ю. В. Петров потерял, когда ей было всего 47 лет. Тогда он учился на последних курсах университета, увлекался наукой и спортом, его ожидала большая и успешная жизнь, но горе едва не сломило его. Помогли работа и любимая девушка Галя Морозова. Они вместе поехали провожать мать Юрия Владимировича в последний путь, тогда и решили навсегда соединить свои судьбы. Мама, уходя, соединила их, предопределив счастливый финал их, как говорят сокурсники, трогательного романа. Он каждый вечер дарил ей цветы, он насвистывал ей любимые мелодии Паганини, они чуть ли не самыми последними уходили, с трудом отрываясь от книг, из Научки, а потом еще долго-долго разговаривали в коридоре общежития на Ленина, 49...

Студенчество открыло Ю. В. Петрову путь к философии – он много читал, много размышлял и неожиданно обнаружил родство своих умозаключений с идеями А. Шопенгауэра: «Когда я обучался в аспирантуре и впервые познакомился с главной работой Шопенгауэра, я пережил минуты потрясения, такое состояние, словно «нас (меня. – Ю.П.) освежает благодетельный поток, из которого мы (я. – Ю.П.) черпаем(ю) силу работать и жить». «...После окончания университета я стал преподавать философию в вузе. В моем характере есть нечто такое, чтобы во всем быть первым. Если в знании были какие-либо лакуны и разрывы, я стремился их заполнить. Никогда не считался со временем и работал на общественных началах столько, сколько требовали интересы дела. Успешно защитил две диссертации: кандидатскую в Томском университете и докторскую – в совете философского факультета МГУ. Мое прилежание и добросовестное отношение к делу было замечено и оценено коллегами: в тридцать пять лет стал заведовать кафедрой философии, что по тем временам считалось делом не совсем обычным. На протяже-

нии всех лет преподавания в вузах выполнял большую общественную работу, что воспринималось как осознанная необходимость. На посту секретаря парткома университета меня застала перестройка» [1. С. 706].

Перестройка стала очередным потрясением для Ю. В. Петрова. Распалась привычная связь времен. Юрий Владимирович переживал события тех лет как личную трагедию: в одночасье рухнули «великий Советский Союз» и «великая Коммунистическая партия СССР». Его партийная карьера была естественной и честной: он не рвался к постам (в 35 лет он защитил без всяких протекций кандидатскую диссертацию, стал молодым заведующим кафедрой), он не жаждал материальных благ (у Петровых нормальная квартира появилась только в 1981 году), не искал легкой славы (только известных и значительных Петровых в те годы в университете было человек пять, не считая студентов с такой же фамилией). Но есть и другой примечательный факт из его жизни: сразу после войны, когда было голодно и все жили скудно, родителям его, как сельской интеллигенции, выделили особый паек – раз в несколько дней можно было брать в школьной столовой кастрюльку супа; его обязанность была ходить за этой едой: паренек страшно стеснялся идти с этой кастрюлей по деревне, на виду у всех, но больше стыда его мучила совесть, он-то хорошо знал, что многие сельчане недоедают, а вот у них такая привилегия перед всеми; ему казалось – это несправедливо. «Судьба была ко мне благосклонна, я делал то, что приказывали старшие, полагая, что так должно быть!» [1. С. 702]. Так он был воспитан: в вере в коммунистические идеалы, в уважении к старшим, в почитании честности и справедливости.

И вдруг – перестройка! Она потрясла его не столько структурными преобразованиями жизни, сколько той ужасающей мимикрией, что случилась со многими окружавшими его людьми. «Перестройка знаменовала начало революции в стране» [1. С. 706]. «Счастливых революций никогда не бывало и быть не может», – цитирует он Н. Бердяева. «Начавшиеся на первом этапе революции бесконечные собрания, дискуссии, пленумы, конференции вызывали во мне грустное чувство; было очевидно, что одни люди проявляют откровенный конформизм, пытаясь своими заявлениями в поддержку перестройки приспособиться к новым обстоятельствам и сделать карьеру, другие – явные мошенники и жулики – почували, что можно пожить в условиях начавшегося хаоса и искусственного создания многоукладной экономики. На трибунах рядом с известными авантюристами появились темные личности: люди психически ненормальные, состоявшие на учете в диспансере либо убежавшие на время из психиатрических лечебниц, неудачники, решившие, что настало их время попытать счастья, обиженные когда-то властью и выплескивающие свою злобу через микрофон на собравшуюся толпу. Аудитория, состоящая из преподавателей, профессоров и доцентов, из студентов и служащих, горячо их поддерживала» [1. С. 707]. «Революция расколола общество: одна его часть по-прежнему стояла за сохранение социализма и советской формы власти, другая – за реставрацию капитализма и частной собственности, но коварство этих людей состояло в том, что такие мечты они прикрывали социалистическими лозунгами вроде построения социализма «с человеческим лицом». Люди на глазах менялись, делались неузнаваемыми; из верных последователей марксизма и доверенных лиц областного комитета

партии, обласканных и получивших множество благ от него, они вдруг превратились во врагов коммунистической идеологии и на виду у общественности пытались демонстрировать свою непримиримость по отношению к слабой власти. ...События перестроечного времени укрепили меня во мнении, что человек не есть лучшее из созданного в мире; человек есть противоречивое существо, способное как на возвышенное, так и на подлое и низменное – на измену и предательство, на корысть и себялюбие». «Тут мы встречаемся с одними из самых тяжких явлений человеческой жизни – с разочарованием в людях. Люди узнаются лучше всего в испытаниях, в катастрофах, опасностях, это стало истиной банальной. Так как мне пришлось жить в эпоху исторических катастроф и порожденных ими ужасов жизни, то я был свидетелем больших изменений и трансформаций людей. Я не знаю ничего более мучительного, чем трудность узнавать хорошо известных людей вследствие изменений, которые они пережили от приспособления к новым условиям после катастрофы», – цитирует Ю. В. Петров глубоко почитаемого им Н. А. Бердяева [1. С. 708].

«Логика развития событий и напряжение политической борьбы заставили погрузиться в самую гущу происходящего и занять определенную позицию», – рассуждает профессор дальше. «Нельзя сказать, что мне нравилась политическая работа – я всегда надеялся, что это временный период в моей жизни, – но оставить фронт борьбы и уйти, наблюдая развязку происходящего со стороны, я не мог» [1. С. 709–710].

Эта большая цитата из его книги приводится здесь для того, чтобы стала очевидна его личная точка зрения. Он не извиняется, пытается объяснить свою позицию тогда и сейчас, не юлит, он, как порядочный человек, объясняется с современником, он открыт и честен, потому что пишет свою последнюю книгу. Дальше ему держать ответ не перед людьми, а перед Богом (он еще не знает, как скоро, но предчувствует). Борьба за свою позицию была долгой, по существу, Ю. В. Петров отстаивал свое мнение по этим вопросам до конца своих дней. Борьба была и с внешними оппонентами, и с самим собой за правильные реакции и объективные оценки происходящего, в котором его многое шокировало, многое огорчало, особенно когда касалось когда-то близких по общему делу людей.

«18 октября 1989 года в областной газете «Красное знамя» была опубликована моя статья «Массовое сознание: возможности манипулирования». Она явилась ответом на критические статьи в адрес политики КПСС известного местного писателя и одного университетского этнографа. Как мне показалось, критика носила неконструктивный характер. Появившиеся отклики на мою статью в той же газете показали, что в отношении взглядов на перестройку моя позиция у оппонентов не вызывала иллюзий – я не мог принять реформы, которые проводились на несоциалистической основе».

В марте 1990 года он был избран представителем областной партийной организации в подготовительный комитет по проведению Российской партийной конференции, а вскоре, когда был создан и сам комитет по подготовке Российской партийной конференции, в него вошел и Ю. В. Петров, бывший тогда секретарем парткома Томского государственного университета. «Я сразу занял активную позицию, не совпадающую с официальной по вопросам

стратегии перестройки и ее сущности», – напишет он потом в своей «исповеди». Вот так открыто, последовательно и честно отстаивать свое мнение в те первые перестроечные годы, да и сейчас, способен не каждый. Надо было иметь мужество, чтобы не спасовать, не поддаться искушению всем нравиться. В те мутные годы это была опасная позиция. Но Петров пошел дальше: в июне 1990 года на двадцать второй областной партийной конференции его избрали секретарем областного комитета партии. «Меня избрали подавляющим большинством голосов в первом туре голосования, что для того времени было необычно. Кроме того, следует отметить, что случай беспрецедентный для доперестроечного времени; попасть в обком сразу из первичной парторганизации было невозможно – очень уж привлекательное место для номенклатуры. Сейчас же, когда события приближались к своей трагической развязке, партаппаратчики быстро оставляли насиженные места, чтобы после революции выйти из тени и вновь занять руководящие должности. Беспроектный вариант!»

«Вся последующая работа на посту секретаря обкома и члена ЦК КПРФ была сосредоточена на актуализации вопросов, связанных с разработкой марксистской теории в новых исторических условиях. ...За несколько дней до событий, круто изменивших судьбу страны, на очередном Пленуме ЦК КП РСФСР (6 августа 1991 г.) я вновь выступал и, в частности, отметил: «Анализируя расстановку политических сил, обычно говорят об их множестве либо противопоставляют коммунистов и демократов. На самом же деле все современные движения распределяются по двум флангам: социализм и антисоциализм, т.е. те, кто за спасение страны, и те, кто за превращение ее в сырьевой придаток современного богатого мира. ...Сегодня надо признать, что КПСС не является правящей партией, хотя ключевые посты в государстве, экономической и социальной сферах по-прежнему занимают коммунисты. Но тогда открыто надо говорить о том, что мы не правящая партия, чтобы снять с себя нападки за все провалы последнего времени. Будучи неправящей, партия, очевидно, не может выражать и общенациональные интересы. Действительно, как одна политическая сила может выражать интересы и миллионера и рабочего?» [1. С. 710–713].

Партийные дела и судьба коммунистической идеологии занимали Ю. В. Петрова всегда. Его, философа и гражданина, многое беспокоило в современной России, а главное – утрата духовности в жизни российского общества, господство иных, сугубо прагматических ценностей и, как следствие, печать безблагодатности и богооставленности (Н. Бердяев), на которые обрекают народ подобные катаклизмы. Он верил (и приближал это событие) в победу революции Духа: «...на смену политическим и социальным революциям приходят революции духа. Они рождаются позже и являются реакцией на материализм и бездуховность социальных революций. На место неудачников, обиженных, озлобленных, юродивых и просто посредственных приходят аристократы духа – те, в ком творческое начало превалирует над косностью и рутиной. Так рождаются великие культуры. А пока мы констатируем, что дух умер, он погребен до времени под обломками ветхого здания, на которых правят бал богатство, капитал, деньги, собственность, рынок. Дух умер, но он зовет к живым» [1. С. 716–717] – так пишет о событиях последнего време-

ни профессор Ю. В. Петров, событиях, которые потрясли мир и многих в этом мире.

Лучше, чем сам Ю. В. Петров, о самом трудном периоде его жизни не скажешь: для него это и опыт самопознания, и исповедь «повешенного» на веревке исторических метаморфоз. Как видим, своим партийным идеалам Юрий Владимирович не изменял до конца жизни. Он остался членом Коммунистической партии Российской Федерации, в его кабинете стоит бюст Ленина, висит портрет Е. К. Лигачева, бывшего секретаря Томского обкома партии, а впоследствии члена Политбюро КПСС, которого он глубоко уважал и почитал своим другом. Как человек мудрый и толерантный, он никогда не афишировал эту сторону своей жизни, никого не рекрутировал в свою партию, никогда не имел и не требовал материальных благ для себя. Скромность, честь и честность всегда отличали этого человека. И еще верность! Верность одной семейной профессии – Учитель, верность одной женщине – своей жене и соратнику – Галине Ивановне Петровой, верность одной партии, верность одной идее – выстроить мир по законам Красоты и Истины.

Что человек для космоса, для молоха судьбы?! Праздный, банальный вопрос – если речь идет о маленьком человечке. Но это серьезная заявка, когда в центре внимания – Личность. Она живет, страдает, творит, падает и поднимается. Ее стремительная траектория – *per aspera ad astra*! Если персонифицировать эту мысль, то можно констатировать, что жизненный путь профессора Ю. В. Петрова был тернист: приходилось разочаровываться, терпеть предательство и измену, падать и восставать, побеждая обстоятельства.

Профессор Ю. В. Петров – знаковая для университета фигура: статен, подтянут, всегда в добротном дорогом костюме, его яркая седина контрастирует с живыми темными глазами, в которых постоянно искрится легкая улыбка – этот образ навсегда запомнится и студентам и сотрудникам. Но это внешнее впечатление. А глубже – он – «вечное движение»: спешащий по делам по университетским корпусам и аллеям и в дождь, и в холод, и в хороший день, или склонившийся над письменным столом (он все шутил: «я не читатель, я писатель»), или открывающий очередную выставку, представляющий на ответственных мероприятиях... Он все отслеживал, везде успевал, руководил, читал лекции, писал книги... За 30 лет он написал и издал 8 книг (каждая объемом от 600 страниц), последняя – восьмая – «Антропологические основания исторической семиотики» – вышла вскоре после его смерти. Прежде чем столько написать, надо было переработать много информации, перечитать горы литературы. У Юрия Владимировича была феноменальная память, он многое знал наизусть (стихи, события, фрагменты художественных и философских сочинений), а еще много всякой житейской всячины (как устроить роскошную жизнь рыбкам в аквариуме, как правильно и когда заготавливать дрова, как надёжно поставить стог сена, как покрасить наличники...).

Он очень любил книги, музыку и живопись. Дома осиротела богатейшая библиотека, где каждая книга обласкана его руками и глазами, тоскует без хозяина редчайшая фонотека, в которой бережно хранятся и пластинки деревенского дома Петровых, и записи опер и симфонической музыки. Юрий Владимирович любил сидеть среди своих книг в кресле и слушать Бетховена,

Паганини, Чайковского или бесконечно листать, читать и перелистывать любимых Достоевского, Булгакова, поэтов пушкинской поры. Эпитет «любимый» в данном случае неудачен: его предпочтений не перечесать. Но более всего он почитал книги.

«Книга... Что может сравниться с книгой по своему значению, по той роли, какую она играет в жизни человека – взрослого или ребенка, – являясь самым удивительным делом, «до какого только дошел человек»! Через книгу человек становится вечным и бесконечным (выделено автором очерка): ему открываются беспредельные дали мироздания, он может беспрепятственно путешествовать вглубь истории, в книгах он находит ответы на многие тайны бытия» [1. С. 7]. «Рядом с книгой – мыслью, запечатленной на листах бумаги буквенными знаками с помощью чернил, – все остальное выглядит ничтожным и неподлинным. ...Вся материальная сторона человеческой жизни бремена, преходяща, призрачна, несмотря на кажущееся могущество, – один лишь дух вечен. Только духу подвластно все земное, но подвластно при условии, что человек научается писать и читать, постигать азбуку и письмо и извлекать из книг мудрость, накопленную в течение тысячелетий человечеством. Все остальное, не запечатленное на страницах книг, будь то жития царей и владык, полководцев и завоевателей, купцов и банкиров, предпринимателей и бизнесменов – со временем уходит в безвестность» [1. С. 8].

Фанатично любя книги, Юрий Владимирович понимал, что писать их, да еще по философии, в дни больших перемен – дело очень сложное и, может быть, даже неблагодарное. «Во-первых, прежней России нет, а новая – уже совсем другая. Вроде бы, все говорят по-русски, но общественные связи и отношения совсем иные, а потому человек, погруженный в новую систему устройства жизни, руководствуется другими ценностями и становится совсем иным. Из традиционных ценностей ничего не осталось, извне пришли чужие жизненные ориентиры, и человек, хотя и остался в прежнем жизненном пространстве, не сохранил российскую культурную ауру и ментальность. Возрождение русской истории, о котором говорит официальная идеология, в действительности есть прикрытие, позволяющее совершать дела другого порядка; новое поколение, незнакомое с собственной историей, с легкостью принимает любые авантюрные проекты» [1. С. 10].

Философ жил своей книгой девять лет. Год выхода «Баллады» – 2008. Книгу эту он задумывал как развернутый ответ на вопрос, что такое философия. Обращаясь к истории философии – взглядам целой плеяды известных философов и писателей, автор утверждает, что дискурс философии существенно отличается от научного мышления, что философское мышление есть скачок за пределы эмпирики, оно есть погружение в умопостигаемые сущности. В том же своем труде профессор Ю. В. Петров определяет место философии культуры в системе культурологического знания, дает определение философии культуры и уточняет ее предметные традиции. В результате исследования он приходит к выводу, что культура – это родовое свойство человека, и поскольку философию человек интересуется как носитель культуры, сама она становится философией культуры. В последнее время Юрий Владимирович заинтересовался проблемами знаково-символической природы исторического познания. В марте 2011 года вышла его последняя книга «Антро-

пологические основания исторической семиотики» – в этой работе сошлись Философ и Историк...

Его научные интересы всегда были сосредоточены на проблемах гуманитарных наук, и в первую очередь на познании в социальных науках, главным образом в истории. Он исследовал причинность в исторической науке, особенность причинных связей в истории, дал анализ моделей причинного объяснения в познании прошлого (объяснение через закон, мотивационное, генетическое, функциональное, структурное). Изучая проблемы теории, методологии и логики гуманитарного знания, он осуществил теоретическую разработку таких вопросов, как субъект и объект в познании прошлого, эмпирический и теоретический уровни исследования, структура теории в исторической науке, факт и его диалектическая связь с теорией, творчество в историческом познании. Он не был фанатом одних-единственных принципов, отказывался от того, что уходило в прошлое и больше не соответствовало новому стилю философствования. Именно об этом свидетельствуют те его работы, где раскрывается антропологический поворот современной философии и исторической науки. Его последняя книга – «Антропологические основания исторической семиотики» – об этом.

Все книги Ю. В. Петрова изобилуют уникальными примерами и образами, незатасканными цитатами и ссылками, личностными трактовками известных позиций. И опять предчувствие: он знал, что пишет для себя. «А все-таки, зачем писать, когда читать некому? Буду откровенен. Прежде всего, я пишу для себя. Нет большей радости, чем радость познания, хотя бы одинокого. «Не добро быть человеку одному», но даже это недоброе побуждается этой радостью... А затем, я пишу для тех немногих, кто, может быть, меня прочтет» [1. С. 3]. Он оставлял себе право всегда надеяться, что его книги, возможно, все-таки прочтут «немногие из немногих». «Автор прекрасно сознает, что располагать на благосклонность всех современников невозможно, ибо читающая публика слишком велика; самое большее, на что можно надеяться, – это на «немногих, быть может, даже очень немногих». Их мнение, свидетельствующее о понимании, – пусть и не во всем совпадающее с суждениями автора, – является твердым основанием веры автора в самого себя» [1. С. 10].

«Неправда, друг не умирает, лишь рядом быть престает», – это строки Константина Симонова, которые он написал на смерть своего друга Евгения Петрова. Они возникли в памяти сразу же, как не стало Юрия Владимировича.

Трудно смириться с его уходом... *Vita nostra brevis est*... Личности не исчезают бесследно в вечности... Остались книги и ученики – выпускники «гнезда Петрова», шумят в университетских коридорах студенты Института искусств и культуры, спешат на занятия его коллеги. Спешат, чтобы продолжить его Дело...

Литература

1. Петров Ю. В. Баллада повешенного: Оправдание метафизики, или Возвращение философии. Томск: Изд-во НТЛ, 2008. 732 с.

Приложение. Краткие биографические сведения

Карьера

9 января 1939 г. – день рождения Ю. В. Петрова (п. Пашенский, Асиновский район, Томская область).

1956 г. – окончание средней школы № 4 (пос. Асино).

1956 г. – учитель физкультуры и рисования в семилетней школе с. Новокусово.

1958–1963 гг. – учеба на историко-филологическом факультете ТГУ.

1963 г. – работа по распределению в Асиновской средней школе № 4 учителем истории.

1964 г. – работа в ТИРиЭТе (в н. в. ТУСУР).

1966–1969 гг. – обучение в целевой аспирантуре на кафедре философии ТГУ, которую закончил защитой диссертации на тему: «Причинность и причинное объяснение в исторической науке» (30 июня 1969 г.).

Продолжил работу в ТИРиЭТе в качестве старшего преподавателя, а с ноября 1972 г. – в качестве доцента.

Февраль 1974 г. – март 1985 г. – зав. кафедрой философии Томского медицинского института (в н.в. СГМУ).

Подготовил докторскую диссертацию на тему: «Практическая природа субъекта и объекта в исторической науке», которую 24 февраля 1985 г. защитил в совете философского факультета МГУ.

С марта по декабрь 1985 г. – проректор по учебной работе ТГУ.

С 1986 г. по 1 июня 1990 г. – зав. кафедрой философии гуманитарных факультетов университета.

С 1986 г. – зам. директора, зав. отделом НИИ СПОРС на общественных началах.

С августа 1991 г. по июнь 1994 г. – профессор кафедры философии естественных и гуманитарных факультетов ТГУ.

С июня 1994 г. по январь 2011 г. – зав. кафедрой теории и истории культуры и декан культурологического факультета (с 7 августа 2001 г. – директор Института искусств и культуры ТГУ).

В марте 1987 г. ВАК СССР присвоил ученое звание профессора.

В ноябре 1994 г. был избран действительным членом в общественную Академию социальных и гуманитарных наук.

До 2011 г. Ю. В. Петров был членом ученого совета ТГУ, председателем ученого совета Института искусств и культуры, председателем диссертационного совета Д 212.267.17 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям: 09.00.08 – философия науки и техники, 09.00.13 – религиоведение, философская антропология, философия культуры, 24.00.01 – теория и история культуры, членом диссертационного совета Д 212.267.01.

Публикации

• «Причинность в исторической науке» (1971 г.) – монография по теме диссертации.

- «Практика и историческая наука. Проблема субъекта и объекта в исторической науке» (1980 г.).
- «Методологические проблемы исторического познания» (1981 г.).
- «Антропологический образ философии» (1998 г.) – монография.
- «Апология метафизики» (2001 г.).
- «Философия как учение о человеке человека» (2002 г.) – учебное пособие, подготовленное коллективом преподавателей философского факультета
- «Баллада повешенного (оправдание метафизики, или Возвращение философии)» (2008 г.).
- «Антропологические основания исторической семиотики» (2011 г.).

Общественная работа

На всем протяжении трудовой деятельности Ю. В. Петров занимался общественной работой.

С 1969 по 1974 г. – член партбюро ТИРиЭТа.

1982–1985 гг. – секретарь парткома ТМИ.

1985–1990 гг. – секретарь парткома ТГУ. Избирался членом Томского горкома КПСС.

1983–1985 гг. – член Томского горкома КПСС.

1985–1990 гг. – член бюро Кировского райкома КПСС.

С июня 1990 г. по август 1991 г. – секретарь Томского обкома КПСС. Был делегатом I и II съездов Компартии РСФСР (1990 г., февраль 1993 г.), член ЦК КПРФ (1990–1991 гг.). С 2006 г. до 2011 г. был членом Общественной палаты Томской области, председателем комиссии по культуре, а также президентом Томского регионального общественного фонда культуры.

Награды

Орден «Знак почета», медаль «Ветеран труда», медаль «За заслуги перед Томским государственным университетом», нагрудный знак «Почётный работник высшего профессионального образования», грамоты Администрации Томской области и Министерства образования Российской Федерации и т. д. Начало его многочисленным наградам дала медаль, которую он получил, еще будучи подростком, «за участие в «битве за урожай».

М. З. Этштейн